

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

Г.В. ГОЛОСОВ

Элиты, общероссийские партии, местные избирательные системы

(О причинах развития политических партий в регионах России)

Многие исследователи российской политики констатируют, что политические партии не играют важной роли в региональном электоральном процессе [1—4]. В частности, сделан обоснованный вывод о том, что партийная принадлежность кандидатов не оказала существенного воздействия на исход губернаторских выборов 1996-1997 годов [5-7]. Прежде всего эта ситуация объясняется крайне неблагоприятной для партийного развития констелляцией общенациональных политических и институциональных факторов [8-11]. Но можно утверждать, что мажоритарный характер губернаторских выборов и не предполагал сколько-нибудь значимого партийного участия.

Цель настоящей статьи - выявление факторов, способствующих развитию партий, по данным выборов в региональные законодательные собрания. Теоретически эти выборы могут рассматриваться как более благоприятная для развития партий институциональная среда. Выборы в региональные законодательные собрания остаются сравнительно мало исследованной областью российской политики. В 1993-1994-х годах они привлекли лишь ограниченное внимание, причем основным направлением анализа стало тогда выяснение профессиональной структуры депутатского корпуса [12-14]. В частности, было показано, что политические ресурсы региональных управленческих элит позволяли им обходиться без партийной поддержки. Некоторые исследования более поздних региональных выборов косвенно подтверждают этот вывод. Другие ученые связывают развитие региональных партий с "расколами в бывшей коммунистической партии и реконфигурацией ее фракций" [15] и с конфликтами внутри региональных элит [16].

В настоящей статье предпринята количественная проверка ряда гипотез относительно причин развития партий в регионах РОССИИ по данным выборов в законодательные собрания, прошедших в 1995-1998 годы. В выборку включены 86 регионов. Чечня исключена по причине того, что на момент проведения выборов в свой распущенный позднее парламент она находилась вне российских конституционных

Г о л о с о в Григорий Васильевич - доктор политических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге.

рамок, а Ингушетия и Мордовия - потому, что они не проводили законодательных выборов в течение всего рассматриваемого периода. Следует отметить, что три региона (Волгоградская, Вологодская и Свердловская области) используют системы "ротации", т.е. переизбирают часть депутатов раз в два года. Поскольку "ротационные" выборы проводятся в региональных масштабах, а не в отдельных округах, любые из этих выборов могли быть включены в настоящее исследование. Однако я исходил из того, что каждый регион должен быть представлен в выборке одной единицей наблюдений. Поэтому результаты кампаний 1998 года во всех трех регионах были исключены из настоящего анализа. В качестве источников данных использовались официальные публикации, подготовленные при участии Центризбиркома [17, 18], а также публикации двух исследовательских учреждений, активно и добросовестно занимающихся изучением российской региональной политики, - Института гуманитарно-политических исследований [19] и Информационно-аналитической группы "Панорама" [20]. Надо заметить, что даже эти (максимально достоверные из доступных) источники иногда противоречат друг другу. Представленные в таблицах 1 и 2 и использованные для количественного анализа данные представляют собой результат определенной работы по унификации сведений (табл. 1-6 см. в Приложении).

Статья состоит из трех частей. В первой из них обосновываются принятые мной измерения партийного развития на региональном уровне, т.е. операционализируются зависимые переменные, а также сообщается краткая фактическая информация о политических партиях в регионах России. Во второй части статьи вводятся рабочие гипотезы, согласно которым развитию партий благоприятствуют: 1) конфликты внутри региональных элит; 2) склонность избирателей голосовать за институционализированные в общероссийском масштабе партии; 3) определенные избирательные системы. В третьей части статьи приведены и проанализированы результаты количественного анализа.

Политические партии в регионах России

Определение партий, принятое в настоящей статье, соотносится как с официальным подходом правоприменительных органов, регулирующих российский электоральный процесс, так и с "узким" определением, широко распространенным в сравнительных исследованиях партийной политики [21, с. 63]. Это "команды людей, стремящихся контролировать государственный аппарат путем приобретения должностей на надлежащим образом организованных выборах". Общее официальное наименование, применяемое в России, - "избирательные объединения и блоки". К числу прав понимаемых таким образом партий относятся выдвижение и поддержка кандидатов. Ни один из российских регионов, однако, не предоставляет эти права исключительно партиям. В тех или иных регионах кандидаты могут выдвигаться "инициативными группами" и "собраниями избирателей", органами местного самоуправления, трудовыми коллективами, отдельными избирателями, а также выдвигать себя сами. Все выдвинутые подобными способами кандидаты (а в случае успеха - депутаты) в настоящей статье будут определяться как "независимые".

Соответственно "партийными" кандидатами и депутатами я буду именовать выдвиженцев избирательных объединений и блоков. Это определение может показаться ясным и даже тавтологичным, но оно тем не менее требует комментариев. Партийная поддержка на российских выборах не обязательно обусловлена фактом выдвижения. Партии очень часто поддерживают независимых кандидатов. Иногда такая поддержка носит фиктивный характер. Например, в Псковской области один из кандидатов сумел одновременно заслужить симпатии коалиции левых сил, ЛДПР и "Яблока". Ясно, что в подобной ситуации роль каждой из партий в его кампании была не очень значительной. Скорее, сами партии стремились таким образом привлечь к себе внимание. Чаше, однако, связь между партиями и независимыми кандидатами более

значительна. Иногда члены и сторонники партий (КПРФ, "Яблока") выступают как независимые, рассчитывая, что это расширит круг голосующих за них избирателей, в то время как голоса электората данной партии отойдут к ним в любом случае. Бывает, что от выдвижения кандидатов воздерживаются организации, не без оснований рассчитывающие на электоральный успех, но слабые в организационном отношении ("Блок Юрия Болдырева" на выборах 1998 г. в Санкт-Петербурге). В некоторых регионах партийное выдвижение не практикуется по тем или иным политическим причинам, хотя партии достаточно активно участвуют в электоральной политике. Таким образом, партийная поддержка без выдвижения может играть существенную роль. Однако, имея дело с большим массивом данных, важно иметь в своем распоряжении формальный критерий, определяющий важность партийной поддержки, а также всю совокупность соответствующих данных. Поскольку эти условия не выполняются, я счел возможным пренебречь партийной поддержкой независимых кандидатов при решении задач настоящего анализа. То же самое относится и к еще более важной форме связи между партиями и кандидатами - практикуемой во многих регионах отметке о партийной принадлежности кандидата в избирательном бюллетене. Ясно, что с точки зрения избирателя в большинстве случаев такая отметка фактически служит эквивалентом партийному выдвижению. Однако скольконибудь исчерпывающие данные на этот счет по большинству регионов отсутствуют. Отсюда - известная неполнота используемых мною данных, а значит, и информационные потери, снижающие достоверность полученных результатов. Надо, впрочем, заметить, что подобные информационные потери органически присущи сравнительному (и особенно статистическому) анализу большого числа случаев [22].

Основной мерой партийного развития на региональном уровне, используемой в настоящем исследовании, является процентная доля избранных в соответствующее законодательное собрание партийных выдвиженцев, т.е. доля партийных депутатов (ПД) от общего числа депутатов. В качестве дополнительной меры используется процентная доля партийных кандидатов (ПК) от общего числа кандидатов, выдвинутых в данное собрание. Значения зависимых переменных представлены в таблице 1. Среднее значение ПД - 20,0, а ПК - 21,9. Отсюда можно заключить, что уровень партийного представительства в российской региональной политике не очень высок, но и не является пренебрежимо малым. Кроме того, сравнение величин показывает, что партийное выдвижение не влечет за собой особых преимуществ для воспользовавшегося им кандидата. В среднем независимые кандидаты выступают на выборах чуть более успешно, чем партийные.

Какие партии скрываются за цифрами, представленными в соответствующих колонках таблицы 1? Безусловно, важнейшей участницей региональных законодательных выборов в 1995-1998-е годы оставалась КПРФ. Она завоевала места в 55 законодательных собраниях. В бюллетене, правда, название партии фигурировало не всегда. Некоторые из коммунистических партий, действовавших в национальных республиках и выдвигавших своих кандидатов, сохраняли организационную автономию или независимость от КПРФ (Саха-Якутия, Татарстан). В ряде регионов запрет на деятельность Коммунистической партии, существовавший в 1991-1992-е годы, побудил местных активистов к созданию "зонтичных" коалиций. Такие коалиции дожили до наших дней в Алтайском крае, Камчатской и Оренбургской областях и др. В Северной Осетии и Самарской области они участвовали в выборах наряду с КПРФ. В нескольких других регионах партия вступила в формальные коалиции с другими левыми и националистическими организациями - чаще всего с Аграрной партией России. Иногда такие альянсы пользовались названием учрежденного в 1996 году Народно-патриотического союза России. Противоположная стратегия была избрана коммунистами, например, в Тульской области, где поддержанные партией кандидаты выступали как выдвиженцы комсомола и других близких к КПРФ групп.

Ситуации, когда представленные в таблице 1 цифры явно не соответствуют реальным электоральным успехам КПРФ, заслуживают особого упоминания. В Приморск-

ком крае, Курской и Саратовской областях все коммунисты выдвигались как независимые, но, как правило, их партийная принадлежность была отмечена в бюллетене. В Амурской области бюллетень вообще ничего не говорил о связи между КПРФ и ее кандидатами, что не помешало последним завоевать большинство мест в региональном законодательном собрании. То же самое произошло в Бурятии, где возглавляемая президентом республики правящая коалиция "Наша Бурятия" включает в себя и коммунистов, и аграриев. В целом ряде регионов выдвиженцы КПРФ, вступив в союз с независимыми депутатами, сумели обеспечить себе фактическое большинство в законодательных собраниях. Это случилось не только в Алтайском крае и Брянской области, где доли коммунистических выдвиженцев высоки, но и, например, во Владимирской области, законодательное собрание которой состоит из выдвиженцев КПРФ лишь на 10%.

Региональные избирательные кампании 1995-1998-х годов ясно продемонстрировали, что другая, считающаяся левой организация - Аграрная партия России (АПР), - не играет самостоятельной роли в российской политике. Во многих регионах (например, в Красноярском крае, Московской, Тверской и Томской областях) аграрии участвовали в выборах в формальных коалициях с КПРФ, в то время как в Свердловской области одна из руководящих региональных отделений партии пошла на выборы в списке местной "партии власти" - "Преображение Урала". В тех регионах, где АПР все-таки участвовала в выборах самостоятельно, она, как правило, согласовывала свои действия с КПРФ путем раздела округов. Такие неформальные коалиции позволили аграриям добиться весьма ощутимого представительства в законодательных собраниях Новосибирской и Рязанской областей, а в Кировской области даже провести своего выдвиженца на пост главы законодательной ветви власти. Единственный регион, где АПР оказалась ведущей левой партией, - это Калужская область. Всего аграрии представлены в законодательных собраниях семи регионов.

Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП) вступала в коалиционные отношения с КПРФ гораздо реже (в Кемеровской и Свердловской областях, а также в Санкт-Петербурге). Обычно радикальные коммунисты конкурировали со своими более умеренными товарищами из КПРФ. В отличие от аграриев РКРП довольно далеко отстоит от КПРФ в идеологическом отношении. Есть у нее и собственная организационная база, корнящаяся в "неформальном коммунистическом движении" времен перестройки. В круг связанных с РКРП организаций входят "Трудовая Россия" (на местах обычно именуемая "Трудовой Башкирией", "Трудовым Курганом" и т.д.), по-прежнему существующий кое-где Объединенный фронт трудящихся, а также сеть Советов рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Это позволяет радикальным коммунистам оставаться довольно заметным явлением электоральной политики, выдвигая своих кандидатов во многих регионах. В девяти из них выдвиженцам РКРП и связанных с ней организаций удалось пройти в законодательные собрания. Но сколько-нибудь заметной фракции РКРП не создала нигде. Это не удивительно. Экстремистские взгляды и маргинальное социальное положение кандидатов РКРП делают их массовый успех крайне маловероятным. Проходят лишь единицы. В результате, вопреки своему идеологическому радикализму и неприязненному отношению к руководству КПРФ, члены РКРП в региональных законодательных собраниях вынуждены сотрудничать с "ревизионистами" на подчиненных ролях. Иногда эта неожиданная для радикалов готовность к компромиссам заходит дальше. Например, один из лидеров Объединенного фронта трудящихся в Астраханской области при голосовании по многим вопросам принимает сторону "Яблока".

Движение "Наш дом - Россия" (НДР) сознательно создавалось в 1995 году для выполнения роли "партии власти", от которой его руководство тщательно открешивалось в ходе следующей думской кампании. Анализ результатов региональных выборов показывает, однако, что проект "партии власти" с самого начала был мертворожденным. Выдвиженцы НДР сумели пройти в законодательные собрания 12 регионов, но в очень малых количествах, вполне сопоставимых с размерами

"делегаций" РКРП. Исключениями служат лишь Красноярский край и Калининградская область, где созданным при участии НДР коалициям удалось-таки добиться довольно заметного представительства в законодательных собраниях. Причина электоральной слабости НДР на местном уровне вполне ясна: как правило, главы региональной исполнительной власти просто не нуждаются в партиях как средстве поддержки близких к ним кандидатов.

Там, где у власти оказываются левые губернаторы, НДР чаще всего просто исчезает. Но и не связанные с КПРФ губернаторы предпочитают поддерживать кандидатов, готовых к сотрудничеству, совершенно не принимая во внимание их партийную принадлежность. Например, так называемый "список" В. Яковлева в Санкт-Петербурге включал наряду с независимыми нескольких коммунистов и выдвиженцев некоммунистических организаций. В Ростовской области прогубернаторское движение "За социально-экономический прогресс и гражданское согласие" не выдвигало собственных кандидатов, но поддерживало независимых и членов "Яблока". Выдвиженцы НДР не получили такой поддержки, потому что их шансы на избрание рассматривались как незначительные. Чаще всего, однако, губернаторы не создают движений и даже не публикуют "списков", подобных легендарному "списку Лужкова". Они просто поддерживают отдельных кандидатов. В таких условиях от НДР остается слабейший из его первоначальных компонентов - активисты существовавших ранее организаций, в 1995 году переметнувшиеся "под крышу" В. Черномырдина. Следует заметить, что в некоторых регионах (например, в Еврейской автономной области) фракции под названием "Наш дом - Россия" в законодательных собраниях создавались из связанных с губернаторами независимых депутатов. Такие случаи, конечно же, не имеют отношения к НДР как таковому.

Остатки некогда массового "демократического движения", а также ряда националистических групп на местах в значительной степени влились в организации и избирательные блоки, ориентировавшиеся в 1995-1998-е годы на А. Лебеда. Относительный успех отставного генерала на президентских выборах 1996 года на какое-то время принес ему широкое общественное внимание, сказавшееся на развитии движения "Честь и Родина" (ЧиР), а позднее - и созданной на его основе Российской народно-республиканской партии. Связанным с Лебедем организациям удалось добиться представительства в законодательных собраниях восьми регионов. В отличие от глав исполнительной власти регионов у Лебеда не было ни желания, ни даже возможности "фильтровать" своих сторонников на периферии и оказывать покровительство лишь наиболее перспективным. Даже слабый кандидат, участвовавший в региональных выборах "под знаменем" Лебеда, привлекал дополнительное внимание к самому отставному генералу, принося ему, таким образом, известную политическую выгоду. Но прежде всего это было выгодно самим кандидатам, стремившимся таким способом увеличить свои (как правило, скромные) электоральные шансы. Довольно широкое распространение получил при этом следующий прием: в названия избирательных блоков наряду с именем самого Лебеда, включались имена других популярных в общероссийском масштабе политиков - чаще всего С. Федорова, С. Глазьева и Г. Явлинского. Местные "политические предприниматели" в своей погоне за голосами просто игнорировали тот факт, что сотрудничество Лебеда с Глазьевым было недолговечным, а проект "Третьей силы", которая объединила бы Лебеда с Федоровым и Явлинским, провалился в ходе избирательной кампании 1996 года. Такая всеядность сторонников Лебеда породила ряд парадоксальных ситуаций. Например, в Новосибирской области лидер "Яблока" прямо отказался поддерживать коалицию, участвовавшую в выборах под названием "Лебедь-Явлинский". Тем не менее коалиции удалось добиться некоторого успеха на выборах. Другие регионы, где сторонникам Лебеда удалось завоевать заметные позиции в законодательных собраниях, - это Красноярский край и Калининградская область. В целом, однако, успехи ориентировавшихся на Лебеда организаций были скромными. Оно и не удивительно: в большинстве случаев имя отставного генерала использовалось заведомо

слабыми кандидатами. Присвоить популярность Лебеда удавалось, разумеется, далеко не всем.

Еще ярче персонализм проявился в деятельности другой организации, весьма широко представленной на региональном уровне, - Либерально-демократической партии России (ЛДПР). Ей удалось добиться представительства лишь в пяти законодательных собраниях, однако кандидаты выдвигались почти повсеместно. Сходной тактики ЛДПР придерживалась на думских выборах 1995 года, когда ее кандидаты попробовали свои силы в подавляющем большинстве одномандатных округов, но победа была одержана лишь в одном. Региональные кампании тоже не принесли ЛДПР особого успеха. Даже в Псковской области, где член ЛДПР возглавляет исполнительную ветвь власти, ей удалось завоевать лишь два мандата - вдвое меньше, чем коалиции левых сил. В Новосибирской области ЛДПР добилась относительного успеха и на думских выборах, и на выборах местного самоуправления города Новосибирска, но в законодательном собрании региона ей не удалось получить ни одного места. Провалы ЛДПР на местном уровне объясняются тем, что ее кандидаты - это, как правило, политические маргиналы, не вызывающие доверия у избирателей. Вряд ли и само руководство ЛДПР относится к их перспективам с особым оптимизмом. Массовое выдвижение кандидатов - это один из способов привлечь внимание к самой ЛДПР, доказать ее повсеместное присутствие на российской политической арене и тем самым улучшить шансы партии и ее вождя на думских выборах. Разумеется, основным источником успеха ЛДПР на общероссийских выборах 1993-го и 1995-го годов была фигура ее лидера В. Жириновского. На региональный уровень этот успех не транслируется.

Общероссийская партия, которой, как кажется, удалось избежать опасностей политического персонализма, - это "Яблоко". Разумеется, подобно ЛДПР и ориентирующимся на Лебеда группам значительной частью своих успехов "Яблоко" обязано ситуационной харизме своего лидера Явлинского. Но существует и различие, достаточно отчетливо проявляющееся в избранной "Яблоком" стратегии выдвижения кандидатов. Как правило, партия делает ставку на "проходных" кандидатов, сознательно воздерживаясь от поддержки слабых. Выдвиженцы "Яблока" завоевали места в десяти законодательных собраниях, причем в Камчатской области, Москве и Санкт-Петербурге "яблочные" фракции весьма значительны и оказывают серьезное влияние на региональные политические процессы. Как и на общероссийской политической арене, "Яблоко" на местах избегает коалиций. Лишь в одном регионе (Смоленской области) его альянс со сторонниками Лебеда не был фиктивным. Не был он и успешным. В Калининградской области "Яблоко" совместно с НДР и рядом других организаций участвовало в создании блока "Янтарный край России". В целом, однако, "Яблоко" предпочитает выдвигать своих кандидатов. Стремление к их успеху иногда побуждает организации "Яблока" поддерживать политиков, располагающих значительными электоральными ресурсами, но не очень склонных следовать провозглашаемой Явлинским линией "демократической альтернативы". По некоторым (возможно, преувеличенным) оценкам, это сделало "яблочных" депутатов в Ростовской области придатком местной "партии власти". Ясно, что слишком тесные связи с местными властями могут повредить "Яблоку" на общероссийских выборах. Симптоматично, что одна из сильнейших региональных организаций партии, санкт-петербургская, вышла из формальной коалиции с губернатором города в январе 1999 года.

Другие общероссийские партии представлены на региональном уровне лишь эпизодически. Выдвиженцы партии "Демократический выбор России" есть в законодательном собрании Москвы, а в составе коалиции и в Санкт-Петербурге. Другие организации, придерживающиеся сходных идеологических установок, практически сошли на нет. Сколько-нибудь заметные националистические группы, если не считать ЛДПР, тоже немногочисленны и слабы. Такие группы участвовали в выборах во многих регионах, но успехи их более чем скромные: лишь в Новосибирской и Тульс-

кой областях им удалось получить по одному мандату: "Левоцентристским" партиям (наиболее заметные из них - "социалистические" партии И. Рыбкина и В. Брынцалова) вообще не удалось добиться представительства. По меньшей мере в одном регионе (Челябинской области) "социалисты" прямо обвинялись в том, что они пошли на выборы исключительно с целью отобрать голоса у коммунистических кандидатов. Преследуя ту же самую цель, власти Саратовской области способствовали регистрации "Саратовского отделения Народно-патриотического союза", кандидаты которого конкурировали с членами КПРФ, выдвинутыми непосредственно избирателями. В Санкт-Петербурге в выборах участвовало фальшивое "Яблоко", опять-таки наряду с настоящим. Переходя к созданным на местах политическим партиям, следует отметить, что и они не очень заметны. Лишь в двух регионах (Свердловской области и Удмуртии) сложилось нечто подобное особым партийным системам (причем в последнем случае основой наиболее сильного местного блока "Удмуртия" послужила АПР). Местные партийные системы нестабильны. "Ротационные" выборы 1998 года в Свердловской области сильно изменили композицию политических сил в регионе, а удмуртские организации просто-напросто не дожили до следующих выборов. В частности, "Удмуртия", вступив в союз с московским мэром, уже не участвовала в выборах 1999 года в качестве самостоятельной организации.

Кроме того, в регионах довольно широко распространены так называемые "квазиполитические организации" (КПО), которым удалось добиться представительства в 29 законодательных собраниях. В настоящей статье термин "квазиполитические организации" [23] применяется для отображения следующих категорий участников регионального политического процесса: 1) женские, молодежные и ветеранские организации; 2) профсоюзы, другие организации профессионального представительства, ассоциации предпринимателей и товаропроизводителей; 3) ассоциации в защиту интересов налогоплательщиков и потребителей; 4) клубы избирателей. Критериями, позволяющими отнести ту или иную группу к числу КПО, служат ее исключительно местный (но не общероссийский или межрегиональный) и политический (но не профессиональный или корпоративный) статус, а также отсутствие политических программных требований. По последнему основанию к числу КПО не отнесены, например, молодежные коммунистические организации. За цифрами, приведенными в таблице 1, стоят не только политические, но и квазиполитические организации.

Не ведет ли такой "уравнительный" подход к снижению достоверности результатов статистического анализа? Отчасти этот подход является вынужденным, ибо публикации избирательных комиссий, на которые опирается настоящий анализ, такого различия не проводят. Но есть и содержательные соображения в пользу того, что КПО заслуживают учета при изучении региональной партийной политики. Во-первых, можно утверждать, что, как и в некоторых других странах, переходящих к демократии, в России квазиполитические организации играют известную роль в структурировании межпартийного соревнования даже без выдвижения политических требований [24]. Во-вторых (и это, видимо, более важно), квазиполитические организации нередко преследуют скрытые политические цели. Например, в Астраханской области "Яблоко" не выдвигало собственных кандидатов. Вместо этого была создана квазиполитическая организация (блок "Защита прав налогоплательщиков"), которая и участвовала в выборах. Очевидно, план состоял в том, что немногочисленные твердые сторонники "Яблока" в любом случае выяснили бы, кто есть кто, а для прочих избирателей "Защита прав налогоплательщиков" послужила бы привлекательным лозунгом. В Рязанской области некоторые "демократы", справедливо сомневаясь в своих электоральных возможностях, предпочли выдвигаться от "Организации социал-гигиенистов и организаторов здравоохранения". По меньшей мере в двух регионах (Курской и Саратовской областях) сторонники действующих губернаторов выдвигались ветеранскими организациями. Можно предположить, что подобные ситуации не исключительны, а скорее типичны. Однако имеющиеся источники не позволяют проследить их на всей совокупности случаев.

В таблице 2 представлены данные о процентных долях членов тех или иных партий в тех 67 регионах, где партийным выдвиженцам удалось добиться хотя бы минимального представительства в законодательных собраниях. Ясно, что приводимые цифры по каждому региону в сумме должны давать значения, которые представлены в колонке ПД таблицы 1. Некоторые различия - следствия округления. Названия отдельных квазиполитических организаций не приводятся, так как они часто весьма пространны, но, как правило, мало что говорят об их политических целях.

Рабочие гипотезы и независимые переменные

Что способствует развитию партий в регионах России? Один из возможных ответов на этот вопрос был сформулирован на основе качественного анализа политических процессов, протекавших в 1992-1996-е годы в Свердловской области и в ряде других регионов России. В кратком изложении этот ответ выглядит так: стимул к развитию политических партий дает "конфликт внутри [региональной] элиты, 1) развертывающийся в ходе электорального соревнования, в рамках которого 2) решающую роль играют политические партии, а не альтернативные формы политической мобилизации, причем 3) исходом этого конфликта не является полная и окончательная победа одной из группировок элиты" [25, с. 31]. Для того чтобы проверить данную гипотезу путем количественного анализа, необходимо ее операционализировать. Эта задача не решается без весьма ощутимых информационных потерь. Тем не менее можно обратить внимание на то, что в приведенном выше определении есть элемент, легко поддающийся формализации. Это сам факт проведения важных (т.е. оказавших существенное воздействие на политический процесс) и соревновательных выборов, разрешающих конфликт внутри региональной элиты. Из этого факта я и буду исходить в дальнейшем.

В 84 из 86 регионов, включенных в мою выборку, институциональное устройство носит президентский или, реже, президентско-парламентский характер. Верховная исполнительная власть принадлежит прямо избираемым населением губернаторам, главам администраций, президентам, главам республик или правительств и т.д. Для удобства анализа все носители подобных должностей в дальнейшем будут определяться как "главы регионов". Лишь в одной республике (Карачаево-Черкесии) выборы главы региона не проводились в течение всего периода наблюдений (1995-1998 годы). В остальных случаях такие выборы имели место: 13 в 1995 году, 46 в 1996 году, 8 в 1998 году. В Нижегородской области выборы главы исполнительной власти успели пройти даже дважды, в 1995-м и 1997-м годах. Только две республики (Дагестан и Удмуртия) сохраняли политические устройства, иногда именуемые парламентскими, хотя оба скорее напоминают выделяемую в сравнительной литературе "ассамблейно-независимую" систему [26, с. 208]. Там прямых выборов глав исполнительной власти, естественно, не было. Таким образом, "важные" выборы состоялись в подавляющем большинстве регионов. Индикатором соревновательности в рамках настоящего анализа послужило то, победил ли на выборах прежний глава региона. Кроме того, необходимо учесть роль партий. Им приписывается важная роль, если один из двух основных участников выборов главы исполнительной власти выдвигался или заявил о своем членстве в одной из организаций, принимавших участие также и в выборах законодательного собрания (формальное членство глав исполнительной власти в руководящих органах НДР при этом во внимание не принималось). Значения построенной на основе этих критериев переменной "внутриэлитный конфликт" (ВЭК) определены следующим образом. Для Карачаево-Черкесии и 41 региона, где выборы проводились, но увенчались победой действовавших глав исполнительной власти, ей приписаны нулевые значения. Особый случай представляет Иркутская область, где выборы состоялись после добровольной отставки действующего губернатора и привели к победе поддерживаемого им кандидата (ВЭК=0; это относится и к нижегородским выборам 1997 г.). Если действовавший на момент выборов губернатор терпел поражение, то ВЭК присваивалось значение 1 (если партии не сыграли важной

роли в определенном выше понимании) или 2 (если сыграли). В Кемеровской области победу одержал действовавший глава исполнительной власти А. Тулеев. Но, исходя из того факта, что, будучи известным оппозиционером и лидером местного политического движения, связанного тогда с КПРФ, Тулеев был назначен на свою должность незадолго до выборов, я присвоил ВЭК для Кемеровской области значение 2. Такое же значение ВЭК приписано Удмуртии, председатель Государственного совета которой избирается парламентом. В 1995 году избранию А. Волкова на этот пост предшествовала исключительно острая политическая кампания, увенчавшаяся электроальным успехом блока "Удмуртия".

Ясно, что сконструированный таким образом индекс ВЭК - далеко не совершенное средство анализа. Достаточно заметить, что хотя иногда действовавшим главам исполнительной власти удавалось наголову разгромить своих соперников, так что их победа может рассматриваться как безусловный индикатор отсутствия у этих соперников сколько-нибудь значимых политических ресурсов, чаще реальное соперничество все же имело место. Логично предположить, что более точный индекс электоральной соревновательности позволил бы уменьшить информационные потери. Такие индексы, основанные на учете электоральной силы действующего носителя должности, достаточно широко применяются, например, при изучении местных выборов в США [27]. Самый простой из них - это, конечно, арифметическая разница между долями голосов, поданных за носителя должности и его ближайшего соперника. Но ни эта, ни более сложные меры, сконструированные сходным образом, не могут быть продуктивно применены для изучения российской региональной политики. Причина состоит в том, что в институциональном отношении регионы России гораздо многообразнее, чем, скажем, штаты США. Прежде всего для избрания глав регионов применяются как системы простого большинства, так и мажоритарные системы, что делает результаты выборов не вполне сопоставимыми. Правила регистрации кандидатов тоже различны. Например, в Новгородской области для регистрации кандидата требовалось собрать подписи 0,2% избирателей, результатом чего стало участие в выборах восьми кандидатов. В Саратовской области порог был поднят до 2%, и в выборах участвовали лишь трое. Соответственно в Саратовской области преимущество главы региона составило 64,1%, а в Новгородской - 47,2% [28, с. 269-272, 323-326]. Значит ли это, что уровни реальной соревновательности различались в полтора раза? Нет. С содержательной стороны ситуации в двух регионах были очень схожи друг с другом. Таким образом, погоня за более дробными (а предположительно более точными) числовыми показателями могла привести лишь к дополнительным информационным потерям.

Вторая рабочая гипотеза очень проста. Она состоит в том, что по крайней мере некоторые партии способны воспроизводить свои успехи, достигнутые в данном регионе на общероссийских выборах, на уровне региональной политики. Иными словами, партии развиваются потому, что, раз поддержав их, избиратели поступают так и в дальнейшем. Нет нужды подробно останавливаться на том, что данная гипотеза смещает фокус исследования с конфликтующих элит на фигуру, гораздо чаще рассматриваемую в рамках нормативных теорий демократии как основное условие ее существования - сознательного гражданина. Важнее разобраться, какие именно партии способны удержать своих избирателей. Общероссийские выборы, в которых партии играют относительно важную роль, - это, конечно, выборы нижней палаты Федерального Собрания. Мы видели, что на региональном уровне более или менее систематически присутствуют семь организаций. Пять из них - КПРФ, НДР, ЛДПР, "Яблоко" и АПР - участвовали в думских выборах 1995 года. РКРП послужила главной составляющей избирательного блока "Коммунисты-Трудовая Россия - За Советский Союз" (КТР). Случай ориентирующихся на Лебеда организаций более проблематичен, но можно утверждать, что значительная часть голосов, отданных Конгрессу русских общин (КРО), фактически предназначалась Лебедю. Больше того, поражение КРО и его последовавшая дезин-

теграция побудили многих активистов кампании 1995 года присоединиться к "Чести и Родине" и другим пролебедевским группам. Так что существует и определенная организационная преемственность.

Ясно, однако, что способность российских партий повторять свои успехи на проводимых в разные сроки выборах различных органов власти должна быть ограниченной. Неустойчивость электората в России чрезвычайно высока [29]. В сравнительных исследованиях неустойчивость избирателей часто связывают с уровнем институционализации партий [30]. Хотя ни одна из современных российских партий не является институционализированной в строгом смысле слова, они, безусловно, стоят на разных ступенях развития. Чтобы различить эти ступени, можно использовать теоретическую модель, предложенную А. Панебьянко. Как показывает исследователь, институционализации партий препятствуют следующие факторы: 1) создание путем объединения существовавших ранее локальных групп, а не из центра; 2) внешнее спонсорство существовавших ранее организаций непартийного типа; 3) наличие харизматических лидеров [31, с. 49-68]. Из семи существующих в регионах России партий лишь ЛДПР не испытала негативного воздействия первого фактора. Даже КПРФ была воссоздана в 1993 году путем объединения "независимых парткомов", "союзов коммунистов" и "массовых движений", расплотившихся в период запрета (как мы видели, такое происхождение до сих пор проявляется в многообразии названий, под которыми партия выступает на региональном уровне). Более четкое основание для анализа дают два других критерия. Внешнее спонсорство сыграло особую роль в судьбе двух организаций ("Наш дом - Россия" и АПР). НДР вполне сознательно создавался как "политическое подразделение" федерального правительства и некоторых региональных администраций. Роль спонсора сыграл, таким образом, государственный аппарат. Что касается АПР, то ее основой, как известно, послужила инфраструктура колхозно-совхозной системы и "агропромышленного комплекса" советской эпохи (лоббистские организации вроде Аграрного союза, профсоюзы и даже аграрные отделы региональных администраций). Ясно и то, что ЛДПР и ориентирующиеся на Лебеда организации носят откровенно персоналистский характер. Они буквально немислимы без своих лидеров. В случае ЛДПР этот фактор явно перевешивает то обстоятельство, что она создавалась как централизованная организация.

Таким образом, критерии Панебьянко заставляют предположить, что наиболее высокого уровня институционализации в России достигли три партии - КПРФ, "Яблоко" и РКРП. Последнюю, однако, приходится исключить из этого списка. Дело тут не в уровне, а в характере институционализации леворадикальной партии. РКРП представляет собой российский случай весьма широко распространенного в мире феномена, определяемого как "маргинальная малая партия, стоящая на экстремистских позициях" [32]. Электоральная поддержка таких партий на выборах разных уровней испытывает сильные колебания независимо от уровня их институционализации [33]. Поэтому привлечение данных по РКРП для решения специфических задач настоящего анализа нецелесообразно с познавательной точки зрения. Оставшиеся партии (КПРФ и "Яблоко") организационно самостоятельны. В отличие от ЛДПР и "Чести и Родины" их можно представить себе существующими без нынешних лидеров, хотя надо признать, что роль Явлинского в "Яблоке" чрезвычайно велика. Таким образом, голосование за КПРФ и "Яблоко" может послужить основой для конструирования второй независимой переменной - "институционализированные партии" (ИП). Значение этой переменной определяется следующим образом: по каждому региону складываются доли голосов, поданные в 1995 году за партийные списки двух партий и за выдвинутых ими кандидатов. Некоторую проблему при этом составляет коалиционная политика в одномандатных округах. "Яблоко" в 1995 году практически не проводило такой политики, но КПРФ, как известно, иногда воздерживалась от выдвижения своих кандидатов в пользу других политических сил. По совокупности наблюдений, наиболее систематически левые коалиции на уровне одномандатных

округов создавались не с АПР (которая зачастую, особенно в национальных республиках, выступала как "партия власти"), а с блоком "Власть - народу!" При вычислении ИП я исходил из того, что избиратели блока в других условиях проголосовали бы за КПРФ, и соответственно прибавлял к перечисленным выше элементам голосование за "Власть - народу!" в одномандатных округах. Кроме того, было сделано исключение для Свердловской области - единственного региона, где местная партия "Преображение Урала" участвовала в выборах как общероссийская организация ("Преображение Отечества"). Голосуя по партийным спискам, избиратели области отдали этому блоку более 12% голосов. Поскольку существует явная преемственность между голосованиями за "Преображение Урала" и "Преображение Отечества", при вычислении ИП для Свердловской области я добавил к величине индекса проценты голосов, полученных блоком как по списку, так и в одномандатных округах. Во всех остальных регионах "Преображение Отечества" оставалось малозаметной "центристской" организацией. Максимальное возможное значение ИП - 200%, максимальное фактическое по моей выборке регионов - 84,1% (Тамбовская область), а среднее - 43,5%.

В политической компаративистике достаточно всесторонне обосновано представление о том, что избирательные системы представляют собой элемент институционального контекста, оказывающий прямое и сильное воздействие на формирование партий [34]. Нет никаких теоретических оснований сомневаться, что подобное воздействие можно зафиксировать и в регионах России. Избирательные системы, используемые на выборах региональных законодательных собраний, чрезвычайно многообразны. Прежде всего надо отметить, что из 86 регионов, включенных в выборку, 5 имеют двухпалатные законодательные собрания. В результате каждый избиратель получает два голоса. То же самое, как известно, происходит при "смешанных" избирательных системах, подобных принятой на думских выборах в России. Сходство лишь усиливается, если учесть, что избирательные системы, используемые на выборах палат, всегда различны. Таким образом, в рамках количественного анализа двухпалатность предстает как феномен однопорядковой "смешанности" избирательной системы. Переходя к более существенным различиям, следует отметить, что в подавляющем большинстве регионов (51) применяется система простого большинства в одномандатных округах. В семи регионах (Бурятия, Дагестан, Северная Осетия, Татарстан, Тыва, Хакасия и Санкт-Петербург) используется мажоритарная система в два тура, а в шести (Краснодарский край, Амурская, Камчатская, Кировская, Сахалинская и Томская области) - система простого большинства в многомандатных округах. В десяти регионах - Адыгее, Калмыкии (при выборах Народного Хурала), Курганской, Мурманской, Оренбургской, Псковской, Смоленской, Тверской областях, Еврейской автономной области и Таймырском автономном округе - система простого большинства применяется как в одномандатных, так и в многомандатных округах. Еще более многообразны комбинации, применяемые в рамках "смешанных" систем и при выборах двухпалатных парламентов: простое большинство в многомандатных и одномандатных округах (Башкортостан, Кабардино-Балкария и Карелия, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа), простое большинство в одномандатных округах и пропорциональная система (Калининградская и Свердловская области, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ), простое большинство в многомандатных округах и пропорциональная система (Корякский автономный округ), мажоритарная и пропорциональная системы (Красноярский край). В Саха-Якутии обе палаты законодательного собрания избираются по системе простого большинства в различном образом нарезанных округах. В Ханты-Мансийском округе часть законодателей избирается по системе простого большинства в одномандатных округах, другая часть - в многомандатных и еще одна - в общерегиональном многомандатном округе.

Особого разговора заслуживают специфические особенности избирательных систем, применяемых в некоторых регионах России. В Калмыкии избираемый прямым

голосованием по системе простого большинства Народный Хурал - это лишь небольшая часть Законодательного собрания республики. Остальные депутаты этого органа избираются органами местного самоуправления или назначаются президентом. В Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах были созданы специальные многомандатные округа для обеспечения представительства малочисленных народов (им предоставлялось исключительное право выдвижения кандидатов). Сходную цель преследовали, очевидно, инициаторы чрезвычайно сложной избирательной системы Дагестана. В этой республике созданы территориальные, национальные, женские и профессиональные округа, выборы в которых проводятся по мажоритарной системе.

Поддается ли решению задача свести воедино все это многообразие избирательных правил? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться, какие эффекты избирательных систем важны с точки зрения целей настоящего исследования. Общим местом сравнительного политического анализа является тезис о том, что развитию партий способствуют пропорциональные системы. Причина очевидна: при таких системах участниками политической конкуренции оказываются именно партии, а не отдельные кандидаты. Разница между пропорциональными системами и системами большинства может быть сведена к одному подающемуся квантификации фактору, которому часто приписывается роль решающего компонента правил электоральной игры - так называемой "величине округа" (количеству мест, распределяемых в округе) [35, с. 112-125]. Используя величину округа в качестве основания, можно представить все избирательные системы в виде континуума, на одном конце которого будут, естественно, системы большинства в одномандатных округах, а на другом - пропорциональные системы, крайне редко применяемые в округах малой величины [36]. В центре континуума окажутся системы простого большинства в многомандатных округах, которые, как мы видели, используются в России довольно широко. Но можем ли мы ожидать, что увеличение размера округа способствует развитию партий и без введения пропорциональной системы? Теоретические основания для положительного ответа на этот вопрос существуют. С точки зрения многих исследователей, системы простого большинства в округах большой величины (так называемый "единый непереходящий голос") - это полупропорциональные избирательные системы [37, с. 51, 52]. Опыт по крайней мере одной страны, долго применявшей такую систему, - Японии свидетельствует, что ее воздействие на развитие политических партий в целом благоприятно [38]. Чтобы проверить, есть ли такое воздействие в России, я провел квазиэксперимент по имевшимся в моем распоряжении детальным данным о результатах выборов в семи регионах, использующих систему простого большинства в одномандатных округах. Суть квазиэксперимента состояла в том, чтобы выяснить, как повлияло бы минимальное возрастание величины округа (с одного до двух) на процентную долю партийных выдвиженцев в соответствующих законодательных собраниях. Немедленным эффектом такой модификации электоральных правил было бы то, что в состав депутатского корпуса попали бы вторые по числу полученных голосов кандидаты. Представленные в таблице 3 результаты свидетельствуют, что такое изменение избирательных правил привело бы к увеличению долей партийных выдвиженцев в пяти из семи случаев. Лишь в двух регионах уровень партийности законодательных собраний не изменился бы.

Величина округа не фиксирует различия между системой простого большинства в одномандатных округах и мажоритарной системой, при которой многомандатные округа не могут использоваться по определению. Но не подлежит сомнению, что это разные избирательные системы. Известно, например, что они по-разному воздействуют на уровни фрагментации партийных систем [39]. Воздействие мажоритарных правил на формирование партийных систем не было предметом широких сравнительных исследований. Однако как опыт страны, особенно долго применявшей подобную систему на общенациональных парламентских выборах (Франции), так и

теоретические соображения заставляют усомниться в благоприятном характере этого воздействия. Второй тур делает необходимым создание коалиций, группирующихся вокруг сильнейших кандидатов. Членство таких кандидатов в той или иной партии не препятствует решению этой задачи либо тогда, когда отсутствует политическая или институциональная возможность независимого выдвижения, либо тогда, когда в каждом из сегментов политического спектра существует безусловно лидирующая партия. Ни одно из этих условий в России не выполняется. Стало быть, мы вправе предположить, что при равных величинах округов система простого большинства воздействует на развитие партий более благоприятно, чем мажоритарная. Эффекты специфических особенностей, присущих, как мы видели, некоторым региональным избирательным системам, едва ли заслуживают пространного обсуждения. Ясно, что эти эффекты негативны в случае Калмыкии, где невыборный характер значительной части законодательного собрания является элементом авторитарного институционального дизайна, в целом не способствующего развитию партий. Но и создание отдельных округов для обеспечения представительства меньшинств явно препятствует партийному развитию: в условиях, когда главным основанием для выбора при голосовании оказывается этничность, пол или другие личные характеристики кандидата, значение партийности, естественно, падает. Следует отметить, что мажоритарная система и особое представительство меньшинств сравнительно редко встречаются в России. Хотя их эффекты придется учесть при конструировании третьей независимой переменной, ясно, что в ее основе должна лежать величина округа.

Учет величины округа в количественных исследованиях связан с одной технической проблемой. Что делать, если величины округов в рамках одной избирательной системы различаются между собой? Самый простой ответ на этот вопрос состоит в том, что нужно разделить количество депутатов на количество округов [40]. Результирующий индекс ("средняя величина округа") довольно широко применяется в сравнительных исследованиях. Главный недостаток этого индекса, по мнению Р. Таагеперы и М. Шугарта, таков: "Если есть стомандатный округ и сто одномандатных округов, совпадает ли эффект... с ситуацией, когда в стране сто один двухмандатный округ?" [35, с. 264]. Средние величины округов, действительно, почти совпадают. Но здравый смысл заставляет оценить данные две системы как совершенно различные. В литературе предложено несколько способов решения этой проблемы. Некоторые из них весьма сложны и предполагают субъективную оценку тех или иных характеристик избирательной системы [41, 42]. Такие недостатки отсутствуют, однако, у "средневзвешенной величины округа" (СВВО), вычисляемой путем возведения всех величин отдельных округов в квадрат, суммирования результатов и деления суммы на общее число мест в законодательном собрании [43]. Если все величины округов одинаковы, то значение СВВО равно этой величине и, разумеется, совпадает со средней величиной округа. Но если величины округов различны, то СВВО приписывает определенный "вес" наибольшему. Скажем, в гипотетическом примере Таагеперы и Шугарта наличие стомандатного округа увеличивает значение СВВО до 50, в то время как в системе с двухмандатными округами СВВО остается равной двум. Таким образом, СВВО и является третьей независимой переменной. Чтобы учесть воздействие мажоритарной системы и специфических особенностей, присущих избирательному законодательству отдельных регионов, я скорректировал значения переменной следующим образом. Величины мажоритарных округов до суммирования и деления на общее число мест не возводились в квадрат, а делились на два. То же самое касается одномандатных округов, зарезервированных для представительства меньшинств. В случаях, когда такие округа были многомандатными, деление на два производилось после возведения в квадрат. При вычислении величины СВВО для Калмыкии значение числителя было определено обычным способом, но в знаменателе было количество мест не в Народном Хурале, а в Законодательном собрании в целом. Разумеется, деление на два - это произвольная операция. В качестве делителя в принципе могло использоваться

любое превышающее единицу число. Но возведение именно в квадрат (а не в какую-то иную степень) при вычислении СВВО по обычной формуле не менее произвольно. Никаких строгих способов определить "вес" того или иного фактора при вычислении обобщающих индексов не существует.

Завершая обзор независимых переменных, следует отметить, что один из гипотетически важных факторов операционализировать так и не удалось. В сравнительных исследованиях установлено, что чем сильнее законодательное собрание по отношению к исполнительной власти, тем более важными являются парламентские партии [44]. Действительно, важность собрания побуждает представленные в нем силы к более четкому оформлению своих программных позиций и к организационному структурированию, а это подавляет стимулы к политическому персонализму. Вполне возможно, что таково положение дел и в России. Правда, непрезидентские формы правления на региональном уровне встречаются настолько редко, что нет никаких оснований приписывать этому фактору статистическую значимость. Однако анализ конституций и уставов отдельных регионов показывает, что и в рамках президентских форм правления конституционные полномочия законодательных собраний различаются достаточно сильно [45]. Беда в том, что в российской региональной политике конституционные полномочия далеко не идентичны реальным политическим возможностям, но именно последние подразумеваются под "силой" парламента в сравнительных исследованиях. Например, если следовать букве конституции Башкортостана, то окажется, что его законодательное собрание - одно из сильнейших в России. Известно, однако, что главным - по существу монополистическим - фактором башкортостанской политики является президент. К сожалению, мне не удалось решить задачу строгого (т.е. исключающего субъективную оценку) определения реальных политических возможностей, находящихся в распоряжении законодательных собраний всех 86 включенных в выборку регионов.

В итоге мы остаемся с тремя независимыми переменными - ВЭЖ, ИП и СВВО. Их значения по отдельным регионам представлены в таблице 1, а содержащийся в следующей части статьи корреляционный анализ направлен на то, чтобы выявить их влияние на зависимые переменные. Кроме того, будет проанализировано воздействие независимых переменных на развитие каждой из семи основных партий. Индикатором такого развития послужит их представительство в региональных законодательных собраниях. Естественно, что для решения этой задачи я заменил индекс ПС на два менее общих показателя - процентные доли голосов, полученные соответствующими партиями или их предшественниками на думских выборах 1995 года по партийным спискам (СП) и в одномандатных округах (Окр). Как и в случае с ИП, конструирование последней переменной предполагало сведение воедино данных по голосованию в одномандатных округах, расположенных на территориях отдельных регионов (как известно, в 1995 году число округов на регион варьировалось от 1 до 11). Такие обобщенные данные не публиковались, и я не сообщаю здесь результаты моих собственных подсчетов лишь из соображений экономии журнального пространства. Отмечу, однако, что в день думских выборов 1995 года в избирательных бюллетенях было 87 кандидатов АПР в 54 регионах; 129 кандидатов КПРФ в 61 регионе; 90 кандидатов КРО в 49 регионах; 63 кандидата КТР в 31 регионе, 188 кандидатов ЛДПР в 75 регионах, 105 кандидатов НДР в 58 регионах; 69 кандидатов "Яблока" в 35 регионах [46].

Результаты анализа

Начнем статистический анализ с множественной регрессии, использующей в качестве зависимой переменной процентную долю партийных выдвиженцев в составе депутатского корпуса (ПД). Результаты регрессии представлены в таблице 4. Очевидно, все сформулированные выше теоретические ожидания оправдываются. Бета-коэффициенты всех независимых переменных весьма значимы и по меньшей мере вчетверо превосходят стандартные ошибки, а уравнение регрессии в целом объясняет

более половины (54%) вариаций зависимой переменной. Уравнение показывает, что поражение носителя должности на выборах главы исполнительной власти региона добавляет более 11% пунктов к представительству партий в законодательном собрании. Учитывая среднее значение ПД (20%), это весьма ощутимый рост. Возрастание величины ИП на 10% ведет к увеличению партийного представительства на 8,3%. Наконец, добавив единицу к средневзвешенной величине округа, можно добиться повышения партийного представительства на 6,5%. Правда, обращает на себя внимание то, что сообщаемые в таблице 3 выборочные данные как будто предполагают более слабый эффект. Объяснение этому видимому противоречию состоит в том, что сильнейшее воздействие на развитие партий оказывает не минимальное (как предполагается в моем квазиэксперименте), а значительное возрастание величины округа. Иными словами, уравнение множественной регрессии подтверждает гипотезу о том, что наиболее благоприятной для развития партий является пропорциональная избирательная система. Ведь именно при такой системе малые величины округов исключаются по определению.

Последний тезис позволяет мне сформулировать ситуационное решение серьезной технической проблемы, связанной с проделанным регрессионным анализом. Это воздействие так называемых "влиятельных точек", т.е. сильно отклоняющихся значений зависимой переменной, на общие результаты исследования [47]. Даже беглый взгляд на представленные в таблице 1 значения СВВО показывает, что "влиятельные точки" действительно есть - Красноярский край, Свердловская область и Краснодарский край. В свою очередь, статистический анализ позволяет заключить, что изъятие данных регионов из выборки заметно снижает как значимость переменной СВВО, так и объяснительную силу регрессионного уравнения в целом. Моя позиция, однако, состоит в том, что при решении задач настоящего исследования удаление "влиятельных точек" теоретически контрпродуктивно. Ведь в двух из этих регионов особенно много депутатов избирается по пропорциональной системе, а третий, Краснодарский край, использует полупропорциональную избирательную систему. Значит, без "влиятельных точек" уравнение регрессии просто не учитывает эффектов пропорциональности. Остающиеся после изъятия трех регионов системы со средневзвешенной величиной округа больше единицы зачастую практикуются там, где территориальная рассеянность населения не оставляет местным избирательным властям иного способа выполнить выдвигаемое Центризбиркомом требование о соблюдении "единой нормы представительства" (автономные округа). Таким образом, задачи содержательного политического анализа побуждают отвлечься от технически возможных погрешностей, связанных с "влиятельными точками". Надо, впрочем, отметить, что значения ВЭК и ИП вообще не подвержены сильным колебаниям.

Мы видели, что эффекты всех независимых переменных статистически значимы. Но какие из этих эффектов сильнее прочих? Ответить на этот вопрос позволяют помещенные в таблице 4 стандартизированные коэффициенты. Оказывается, наибольшей объяснительной силой обладают ВЭК и СВВО (причем первая несколько сильнее), в то время как ИП заметно уступает обоим. О том же свидетельствуют парные корреляции между ПД и независимыми переменными: 0,56 и 0,48 между ПД и соответственно ВЭК и СВВО (оба коэффициента значимы на уровнях лучше, чем 0,001), но лишь 0,34 между ПД и ИП (значимо на уровне лучше, чем 0,01). Однако парные корреляции между ПК и независимыми переменными дают другую картину. Коэффициент корреляции между процентной долей партийных выдвиженцев среди кандидатов и голосованием за институционализированные партии оказывается весьма скромным (0,16) и статистически незначимым. ВЭК коррелирует с ПК значительно слабее, чем с ПД (0,38), но в то же время возрастает значение коэффициента корреляции между ПК и СВВО (до 0,54; оба коэффициента значимы на уровне лучше, чем 0,001). Таким образом, выясняется, что независимые переменные по-разному влияют на выдвижение партийных кандидатов и на их электоральный успех. О чем

это свидетельствует, если учесть, что ПК и ПД, естественно, сильно статистически связаны друг с другом?

Чтобы ответить на этот вопрос, я предпринял регрессионный анализ, в рамках которого зависимой переменной была, как и первоначально, доля партийных депутатов, но к числу независимых переменных была добавлена доля партийных кандидатов. Оказалось, что при таком подходе статистическая значимость СВВО совершенно теряется. Результаты множественной регрессии, из которой, исходя из этого обстоятельства, СВВО была исключена вовсе, представлены в таблице 5. То, что процент объясненных данным регрессионным уравнением вариаций ПД возрастает до 74, не очень важно и с содержательной точки зрения может рассматриваться как артефакт. Важно то, что сохраняют свою значимость бета-коэффициенты ВЭК и ИП. Это значит, что если воздействие средневзвешенной величины округа на долю партийных депутатов можно рассматривать как косвенное, опосредствованное долей партийных выдвиженцев среди кандидатов, то собственно политические переменные оказывают на зависимую прямой эффект. Как показывают стандартизированные коэффициенты, ВЭК при этом сильнее, чем ИП (т.е. повторяется зависимость, которую мы наблюдали и в первом регрессионном уравнении).

В таблице 6 представлены коэффициенты корреляции между процентными долями представителей отдельных партий в региональных законодательных собраниях и независимыми переменными, причем ИП заменена на доли голосов, поданных в 1995 году за соответствующие партии или их предшественниц. Как видно, мое ожидание относительно особого характера двух партий (КПРФ и "Яблока") вполне подтверждается данными. Именно они способны повторять свои успехи, достигнутые на общенациональных выборах, на региональных политических аренах. Особенно отчетливо это прослеживается у "Яблока", хотя надо отметить, что здесь сказывается эффект "влиятельных точек" - Камчатской области и Санкт-Петербурга. Результаты корреляционного анализа по КПРФ более скромные, но и эффект "влиятельных точек" гораздо слабее. Средневзвешенная величина округа почти не оказывает воздействия на электоральные шансы двух партий. Единственная переменная, по-разному влияющая на представительство КПРФ и "Яблока" в региональных законодательных собраниях, - это ВЭК: если коммунисты при ее возрастании выигрывают, и очень сильно, то для "Яблока" этот фактор совершенно безразличен. Оно и понятно. Взаимоотношения между региональными организациями КПРФ и местным начальством лишь в редких случаях можно охарактеризовать как мирное, но отстраненное сосуществование (правда, именно такая картина наблюдается в обоих городах федерального значения). В большинстве регионов коммунисты либо активно сотрудничают с главами исполнительной власти, либо пытаются им противостоять. Поэтому КПРФ и оказывается активной участницей конфликтов внутри региональных элит. Напротив, имидж "демократической оппозиции", тщательно культивируемый "Яблоком" на федеральном уровне, не препятствует ни его сотрудничеству с одними губернаторами (хотя оно никогда не бывает слишком тесным), ни умеренной оппозиционности по отношению к другим.

Несколько неожиданное, но явное сходство между собой обнаруживают другие партии - НДР и организации, связанные с Лебедем. В прямую противоположность институционализированным партиям, они почти не воспроизводят на региональных выборах свои прежние электоральные достижения: корреляции зависимой переменной с величинами Сп и Окр крайне слабые. Интересно, что при этом наблюдается некоторая связь между представительством обеих партий в законодательных собраниях и ВЭК. В случае с Лебедем, риторика которого всегда имела оппозиционный оттенок, это еще поддается прямолинейному объяснению, однако случай с НДР требует особого комментария. Судя по всему, на региональном уровне НДР выступал не просто как "партия власти" (и действительно, большинству губернаторов такая партия просто ни к чему), а как "партия власти под угрозой": главы исполнительной власти начинают заниматься партийной политикой лишь тогда, когда оказываются

перед ясной перспективой лишиться власти в результате выборов. Это дополнительное подтверждение гипотезы о воздействии конфликтов внутри региональных элит на партийное развитие. Но, как показывают данные, главным стимулом к электоральному успеху НДР и связанных с Лебедем организаций служила избирательная система. Почему? Возможное объяснение состоит в том, что, хотя они и оставались в течение рассматриваемого периода наименее институционализированными как политические партии, доступные им ресурсы непартийного характера (административная мощь исполнительной власти и харизма Лебеда) были весьма значительными. Препятствуя институционализации, эти ресурсы сами по себе конвертировались в электоральный успех, но лишь при определенных условиях. Одним из таких условий, как видно, является избирательная система. И действительно, к тому, что способно побудить местного начальника или общероссийского харизматического лидера обратить внимание на партийное строительство, относится необходимость участвовать в выборах по пропорциональной списочной системе.

Представительство трех других партий (Аграрной, радикальных коммунистов и ЛДПР) не подвержено воздействию выделенных мною факторов. Каждая из них имеет за спиной довольно длительную организационную историю, но, следуя реализованной выше объяснительной логике, можно предположить, что институционализироваться как партии они не смогли, а обзавестись дополнительными ресурсами, которые позволили бы выгадывать на избирательной системе, не сумели. Несколько выделяется на этом фоне лишь радикальная коммунистическая партия, обнаруживающая сходство в голосовании за своих кандидатов (но не за список) на выборах разных уровней. Это не удивительно, принимая во внимание тот факт, что РКРП - хоть и маргинальная, но все же организационно автономная партия, обладающая собственной идеологией. Оценивая результаты корреляционного анализа в целом, следует обратить внимание на небольшие значения коэффициентов корреляции между зависимыми переменными и значениями Сп и Окр. Такое отсутствие преемственности еще раз свидетельствует о крайне низком уровне развития партий в регионах России.

Заключение

Проделанный анализ позволил идентифицировать ряд факторов, благоприятствующих развитию партий в регионах России. Прежде всего получила статистическое подтверждение гипотеза, согласно которой одним из таких факторов являются конфликты внутри региональных элит, протекающие на электоральных аренах при использовании партий как средства мобилизации избирателей. Этот фактор, как выяснилось, оказывает самое сильное по сравнению с прочими и прямое воздействие на партийное развитие. Показано, что партии, достигшие сравнительно высокого уровня институционализации, способны переносить на региональный уровень свои достигнутые в общероссийском масштабе успехи. Это дает избирателям возможность влиять на композицию представительной власти в соответствии со своими политическими предпочтениями. Возможность эта, однако, весьма ограниченная, и главным ограничителем оказывается недоразвитость самих партий. Наконец, весьма ощутимое воздействие на развитие партий оказывают избирательные системы. Однако в первую очередь плоды этого воздействия пожинают партии, замещающие собственное организационное развитие внешними ресурсами. А такие партии обычно нестабильны. Кроме того, воздействие избирательной системы на электоральный успех партийных кандидатов не носит прямого характера.

Каковы перспективы развития партий на региональном уровне? Исходя из результатов проделанного анализа, эти перспективы следует оценивать без особого оптимизма. Как показано В. Гельманом, формирование "сообществ элит" и консолидация закрытых политических режимов в большинстве регионов России оставляет мало возможностей для проявления внутриэлитных конфликтов на электоральной арене и, следовательно, для партийной активности [48]. Разумеется, эта ситуация

может измениться вследствие каких-то широкомасштабных политических сдвигов в стране, однако сегодня такая возможность остается гипотетической, пусть и достаточно высокой. Кроме того, направление этих сдвигов не обязательно будет благоприятным для партийного развития. Едва ли стоит связывать развитие партий и с "электоральной инженерией" на местах. Несомненно, повсеместное введение пропорциональных избирательных систем послужило бы толчком к столь же повсеместному форсированному развитию партий. Однако следует учитывать, что роль "электоральных инженеров" пришлось бы выполнять депутатам законодательных собраний, избранным по ныне действующим правилам. И едва ли эта роль для них привлекательна: ведь сами-то они добились успеха без партийных списков. Что касается глав исполнительной власти, то они, как правило, не заинтересованы во введении пропорциональных систем на выборах законодательных собраний. С их точки зрения, "губернаторским спискам" лучше оставаться виртуальными. Такая позиция вполне разумна: в условиях президентской системы многопартийный парламент — это, как правило, оппозиционный парламент [49]. К числу немногих регионов России, законодательно утвердивших пропорциональную систему, относится Омская область. Выборы по этим правилам не состоялись: официально — "в связи с отсутствием финансовых средств", а фактически - потому что пропорциональная система, по некоторым оценкам, примерно в полтора раза увеличила бы представительство оппозиционной КППФ в законодательном собрании региона [50].

Таким образом, выясняется, что перспективы развития партий на региональном уровне следует связывать не с политической жизнью самих регионов, а с одним из аспектов политического процесса страны в целом - с институционализацией общероссийских партий. Мы видели, что пока влияние этого фактора остается слабым. Развитие общероссийских партий систематически подрывают две фундаментальные характеристики институционального строя современной России - президентская система и жесткий федерализм [51]. Подобно многим новым демократиям Россия не избежала засилья политического персонализма, тоже не способствующего институционализации партий. Однако сравнительный анализ показывает, что она возможна и при сочетании президентской системы с федерализмом (США), и при господстве харизматических лидеров на политической арене (Франция). Думается, что особо неблагоприятный фон для развития партий в России создает колоссальная роль административных ресурсов в реализации практик соревновательной демократии. Эта роль проявляется в многочисленных попытках создания "партии власти". Именно она, как показала вся история думских выборов в России, и является основным институциональным носителем электоральной неустойчивости и политической фрагментации в России. В основе данного феномена лежат, в частности, особенности экономического строя страны, которые не могут быть предметом обсуждения в рамках настоящей статьи. Можно лишь констатировать, что административное строительство искусственных, лишенных четких программных ориентиров "партий" и "блоков" - это фактор, не только не преодолевающий недоразвитость российской партийной системы, но и закрепляющий ее. Альтернативой такому положению дел служит, разумеется, развитие общероссийских партий, которые в России иногда называют "гражданскими", т.е. партий в собственном смысле слова.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Уровень партийного представительства в российской
региональной политике

Регионы	пд	ПК	вЭК	ИП	СВВО
Адыгея	48,9	45,0	0	75,9	1,4
Республика Алтай	4,9	13,9	1	40,1	1,0
Башкортостан	1,1	2,2	0	45,2	1,8
Бурятия	0,0	0,0	0	49,7	0,5
Дагестан	0,0	0,0	0	58,2	0,3
Кабардино-Балкария	7,0	17,0	0	32,4	2,0
Калмыкия	0,0	2,2	0	23,4	0,6
Карачаево-Черкесия	20,5	13,8	0	74,2	1,0
Карелия	27,9	23,8	1	36,5	1,6
Коми	8,0	23,8	0	18,6	1,0
Марий Эл	10,6	12,2	1	21,4	1,0
Саха-Якутия	7,5	8,1	0	50,1	1,0
Северная Осетия	9,6	19,7	1	67,4	0,5
Татарстан	10,0	35,6	0	46,7	0,5
Тыва	27,3	42,1	0	19,1	0,5
Удмуртия	37,0	41,6	2	26,0	1,0
Хакасия	5,3	15,6	1	39,4	0,5
Чувашия	14,1	12,8	0	34,8	1,0
Алтайский край	44,0	38,9	2	46,5	1,0
Краснодарский край	78,0	35,2	2	55,1	3,9
Красноярский край	80,5	89,8	2	29,5	10,0
Приморский край	0,0	6,4	0	51,3	1,0
Ставропольский край	40,0	17,0	2	62,7	1,0
Хабаровский край	34,8	23,4	0	43,8	1,0
Амурская обл.	0,0	0,0	1	38,2	2,0
Архангельская обл.	2,9	5,9	0	32,9	1,0
Астраханская обл.	28,6	31,2	0	28,1	1,0
Белгородская обл.	40,0	28,8	0	76,4	1,0
Брянская обл.	48,0	32,5	2	72,6	1,0
Владимирская обл.	13,5	17,1	1	41,7	1,0
Волгоградская обл.	62,5	20,3	2	71,0	1,0
Вологодская обл.	6,7	6,9	0	27,4	1,0
Воронежская обл.	26,7	16,6	2	56,5	1,0
Ивановская обл.	20,0	32,4	0	46,8	1,0
Иркутская обл.	22,7	23,6	0	22,3	1,0
Калининградская обл.	34,4	50,3	2	41,6	1,6
Калужская обл.	45,0	31,5	1	44,6	1,0
Камчатская обл.	46,5	38,6	0	54,3	3,0
Кемеровская обл.	57,1	44,4	2	69,7	1,0
Кировская обл.	31,5	26,5	1	21,5	2,0
Костромская обл.	0,0	12,1	1	28,3	1,0
Курганская обл.	3,0	13,1	1	25,4	1,9
Курская обл.	13,6	8,8	1	68,2	1,0
Ленинградская обл.	2,0	7,8	1	39,2	1,0

Таблица 1 (окончание)

Регионы	пд	ПК	ВЭК	ИП	свво
Липецкая обл.	18,4	17,6	1	67,2	1,0
Магаданская обл.	0,0	5,8	1	27,5	1,0
Московская обл.	12,0	33,1	0	57,6	1,0
Мурманская обл.	16,7	20,2	1	33,1	2,3
Нижегородская обл.	2,2	19,3	0	47,0	1,0
Новгородская обл.	0,0	31,4	0	39,9	1,0
Новосибирская обл.	55,1	53,0	1	41,2	1,0
Омская обл.	33,3	21,1	0	41,6	1,0
Оренбургская обл.	19,1	13,1	0	58,6	1,9
Орловская обл.	24,0	38,7	0	81,6	1,0
Пензенская обл.	37,8	25,3	1	79,4	1,0
Пермская обл.	0,0	11,3	0	22,0	1,0
Псковская обл.	27,3	31,2	2	32,0	1,2
Ростовская обл.	26,7	21,3	0	62,4	1,0
Рязанская обл.	52,0	41,7	2	51,2	1,0
Самарская обл.	8,0	14,1	0	45,2	1,0
Саратовская обл.	8,6	26,0	0	62,6	1,0
Сахалинская обл.	11,1	9,5	0	55,2	3,0
Свердловская обл.	73,5	69,2	2	40,3	6,4
Смоленская обл.	33,3	31,8	1	70,6	1,1
Тамбовская обл.	28,3	26,4	1	84,1	1,0
Тверская обл.	3,0	4,2	1	64,2	1,4
Томская обл.	7,1	32,0	0	49,9	2,0
Тульская обл.	22,9	18,6	1	33,9	1,0
Тюменская обл.	4,0	18,4	0	32,1	1,0
Ульяновская обл.	20,0	21,6	0	43,8	1,0
Челябинская обл.	0,0	15,8	1	40,1	1,0
Читинская обл.	0,0	1,7	0	24,1	1,0
Ярославская обл.	10,0	19,7	0	63,9	1,0
Москва	22,9	27,6	0	46,5	1,0
Санкт-Петербург	28,0	13,4	1	46,2	0,5
Еврейская авт. обл.	26,7	36,7	0	51,0	3,0
Агинский Бурятский АО	0,0	11,3	1	19,2	1,0
АО					
Коми-Пермяцкий АО	0,0	0,0	0	13,8	1,0
Корякский АО	44,4	61,4	1	19,4	2,7
Ненецкий АО	0,0	0,0	1	15,5	2,3
Таймырский АО	0,0	0,0	0	12,3	1,2
Усть-Ордынский	21,1	42,9	1	24,9	1,6
Бурятский АО					
Ханты-Мансийский	0,0	0,0	0	17,9	2,0
АО					
Чукотский АО	0,0	0,0	0	40,5	1,0
Эвенкийский АО	0,0	0,0	1	18,7	1,0
Ямало-Ненецкий АО	4,8	9,3	0	11,9	1,1

Представительство политических партий в региональных законодательных собраниях

Регионы	Доля представителей партий (в %)
Адыгея Республика	<i>КПРФ</i> (33,3). АПР (15,6)
Алтай	Русский центр (2,4). Общественно-политическая организация коренных малочисленных народов РА (2,4)
Башкортостан	Трудовая Башкирия ¹ (0,5), КПО (0,5)
Кабардино-Балкария	<i>КПРФ</i> (5,6), НДР (1,4)
Карачаево-Черкесия	<i>Коммунистическая партия КЧР</i> (19,2), КПО (1,4)
Карелия	ЛДПР (11,5), <i>КПРФ</i> (8,2), Яблоко (4,9), НДР (3,3)
Коми	<i>КПРФ</i> (2,0), "Гражданская позиция" (2,0), КПО (4,0)
Марий Эл	<i>КПРФ</i> (9,1), Экологическая партия России "Кедр" (1,5)
Саха-Якутия	<i>Коммунистическая партия РС</i> (6,0), КПО (1,5)
Северная Осетия	<i>КПРФ</i> (2,7), Стыр Ныхас (2,7), Народовластие и социальная справедливость (1,4), Наша Осетия (1,4)
Татарстан	<i>Коммунистическая партия РТ</i> (3,1), Партия национальной независимости Татарстана "Иттифак" (0,8), Единство и прогресс (0,8), КПО (5,4)
Тыва	Солидарность-Домнежилге (9,1), <i>КПРФ</i> (4,5), ЛДПР (4,5), За прогресс (4,5)
Удмуртия	Удмуртия (20,0), <i>КПРФ</i> (8,0), РКРП (3,0), Республиканский центр поддержки самоуправления (3,0), Свобода, законность и согласие (2,0), КПО (1,0)
Хакасия	<i>КПРФ</i> (1,3), КПО (4,0)
Чувашия	<i>КПРФ</i> (12,5), НДР (1,6)
Алтайский край	За подлинное народовластие, гражданский мир и интересы человека труда (40,0), Яблоко (2,0), Народная партия России (2,0)
Краснодарский край	<i>Отечество</i> (76,0), Яблоко (2,0)
Красноярский край	<i>Коммунисты и аграрии - за власть народа</i> (29,3), Союз дела и порядка-Будущее края ² (24,4), Честь и Родина - Александр Лебедь ³ (17,1), Яблоко (4,9), КПО (4,9)
Ставропольский край	<i>КПРФ</i> (40,0)
Хабаровский край	<i>КПРФ</i> (30,4), Союз труда (4,3)
Архангельская обл.	Явлинский-Федоров-Лебедь ³ (2,9)
Астраханская обл.	<i>КПРФ</i> (17,9), Объединенный фронт трудящихся России ¹ (3,6), КПО (7,1)
Белгородская обл.	<i>КПРФ</i> (37,1), Областной совет рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции ¹ (2,9)
Брянская обл.	Патриотическая Брянщина (48,0)
Владимирская обл.	<i>КПРФ</i> (10,8), Владимиро-Суздальская Русь (2,7)
Волгоградская обл.	<i>КПРФ</i> (62,5)
Вологодская обл.	КПО (6,7)
Воронежская обл.	<i>КПРФ</i> (24,4), РКРП (2,2)
Ивановская обл.	<i>Народно-патриотический союз</i> (11,4), ЛДПР (5,7). Союз за правду и порядок ³ (2,9)
Иркутская обл.	КПО (22,7)
Калининградская обл.	Янтарный край России ² (15,6), <i>КПРФ</i> (9,4), Стронники А. Лебеда. С. Федорова, С. Глазьева - за региональное развитие ¹ (9,4)
Калужская обл.	АПР (20,0), <i>КПРФ</i> (5,0), ЛДПР (2,5), КПО (17,5)
Камчатская обл.	<i>Товарищ</i> (23,3). Яблоко (20,9). КПО (2,3)
Кемеровская обл.	<i>Народовластие-Блок Амана Тулеева</i> (52,4), Трудовой Новокузнецк ¹ (4,8)
Кировская обл.	<i>КПРФ</i> (18,5), АПР (7,4), Яблоко (1,9). Партия самоуправления трудящихся (1,9), КПО (1,9)

Таблица 2 (окончание)

Регионы	Доля представителей партий (в %)
Курганская обл.	Трудовой Курган ¹ (3,0) ЧиР (4,5),
Курская обл.	РКРП (4,5), КПО (4,5) НДР (2,0)
Ленинградская обл.	<i>КПРФ</i> (18,4)
Липецкая обл.	<i>Коммунисты, аграрии и другие патриотические силы</i> (12,0)
Московская обл.	<i>КПРФ</i> (4,2), НДР (4,2), КПО (4,2) <i>Народно-патриотический союз России</i> (2,2)
Мурманская обл.	<i>КПРФ</i> (34,7), АПР (6,1), Лебедь-Явлинский ³ (6,1), Третья сила (4,1),
Нижегородская обл.	Отчизна (2,0), КПО (2,0) <i>КПРФ</i> (33,3)
Новосибирская обл.	<i>За социальную справедливость</i> (14,9), НДР (2,1), АПР (2,1) <i>КПРФ</i> (20,0),
Омская обл.	Российская народно-республиканская партия ³ (2,0), КПО (2,0)
Оренбургская обл.	<i>Народно-патриотический союз России</i> (37,8)
Орловская обл.	<i>Народовластие</i> (18,2), ЛДПР (9,1) <i>КПРФ</i> (15,6),
Пензенская обл.	Яблоко (6,7), КПО (4,4) <i>КПРФ</i> (32,0), АПР
Псковская обл.	(16,0), Союз офицеров (4,0) <i>КПРФ</i> (4,0), За
Ростовская обл.	социальную справедливость (4,0) Саратовский
Рязанская обл.	земский союз (2,9), КПО (5,7) <i>КПРФ</i> (11,1)
Самарская обл.	Преображение Урала (41,2), Наш дом - наш город (14,7), <i>Коммунисты</i>
Саратовская обл.	<i>Свердловской области</i> (8,8), Горнозаводской Урал (8,8) <i>КПРФ</i> (33,3)
Сахалинская обл.	<i>КПРФ</i> (28,3) ЧиР (3,0)
Свердловская обл.	<i>Народно-патриотический союз России</i> (4,8), ЧиР (2,4) <i>КПРФ</i> (12,5),
Смоленская обл.	РКРП (4,2), Российский ученые социалистической ориентации (2,1),
Тамбовская обл.	Коммунистический союз молодежи г. Тулы (2,1), Тульская партия
Тверская обл.	"Возрождение Отечества" (2,1) <i>РКРП</i> (4,0)
Томская обл.	<i>КПРФ</i> (16,0), КПО (4,0)
Тульская обл.	<i>КПРФ</i> (10,0)
Тюменская обл.	Яблоко (8,6), Демократический выбор России (5,7). НДР (2,9), Партия
Ульяновская обл.	конституционных демократов (2,9). За справедливость (2,9) Яблоко (16,0),
Ярославская обл.	<i>Коммунисты Ленинграда</i> (4,0), Согласие-Объединенные демократы
Москва	Санкт-Петербурга (2,0), Граждане за справедливость (2,0), КПО (4,0)
Санкт-Петербург	<i>КПРФ</i> (13,3), Межрегиональная ассоциация депутатов (6,7), КПО (6,7)
Еврейская авт. обл.	<i>КПРФ</i> (22,2), НДР (11,1), Коренные малочисленные народы севера КАО
Корякский АО	(ИЛ) <i>КПРФ</i> (10,5), НДР (5,3), КПО (5,3)
Усть-Ордынский Бурятский АО	Ямал - потомкам (4,8)
Ямало-Ненецкий АО	

Примечание. Названия КПРФ и связанных с ней организаций выделены курсивом; названия партий, в которых состояли или которыми выдвигались на свой пост бывшие, действующие или будущие главы исполнительной власти, - жирным шрифтом; жирный курсив означает совпадение этих характеристик.

¹ Связь с РКРП.

² Связь с НДР.

³ Связь с ЧиР.

Таблица 3

Доли партийных выдвиженцев среди победителей и кандидатов, вышедших на второе место (в Санкт-Петербурге - участвовавших во втором туре), по итогам выборов (в %)

Регионы	Победители	Второе место	Регионы	Победители	Второе место
Приморский край	0,0	2,6	Самарская обл.	8,7	20,0
Белгородская обл.	40,0	45,7	Саратовская обл.	8,6	8,6
Новосибирская обл.	55,1	55,1	Санкт-Петербург	30,0	58,0
Ростовская обл.	28,9	37,8			

Таблица 4

Регрессионная статистика (зависимая переменная - ПД)

Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	Значимость
	Бета	Стандартная ошибка		
ВЭК	11,21	2,14	0,411	0,001
ИП	0,37	0,08	0,342	0,001
СВВО	6,47	1,25	0,406	0,001
X-пересечение R ² =0,54	-11,36	4,38		0,01

Таблица 5

Регрессионная статистика (зависимая переменная - ПД)

Независимые переменные	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	Значимость
	Бета	Стандартная ошибка		
ВЭК	0,77	0,07	0,648	0,001
ИП	7,89	1,66	0,289	0,001
СВВО	0,22	0,06	0,203	0,001
Y-пересечение R ² =0,74	-11,48	3,08		0,001

Таблица 6

Коэффициенты корреляции между процентными долями представителей отдельных партий в региональных законодательных собраниях и независимыми переменными

Партии	ВЭК	Сп	Окр	СВВО
АПР	0,11	0,01	0,12	-0,04
КПРФ	0,47***	0,41***	0,34"	0,18
ЛДПР	0,10	0,12	0,16	-0,04
НДР	0,26*	0,08	0,19	0,63***
РКРП/КТР	0,15	0,17	0,31"	-0,08
ЧиР/КРО	0,25*	0,18	0,25*	0,58***
Яблоко	0,00	0,71***	0,63***	0,20

Статистическая значимость:

* при $p < 0,05$;

** при $p < 0,01$;

*** при $p < 0,001$.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бадовский Д., Шутов А.* Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Политические исследования. 1995. № 6.
2. *Golosov G.* New Russian Political Parties and the Transition to Democracy // Government and Opposition. 1995. V. 30. № 1.
3. *Гельман В., Сенатова О.* Политические партии в регионах России: динамика и тенденции//Власть. 1995. №5.
4. *Brown R.* Party Development in the Regions: When Parties Start to Play a Role in Politics //Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1998. V. 14. № 1/2.
5. Институт губернатора в России: традиции и современные реальности. М., 1997.
6. *Колосов В., Туровский Р.* Осенне-зимние выборы глав исполнительной власти в регионах: сценарии перемен // Политические исследования. 1997. № 1.
7. *Solnick S.* Gubernatorial Elections in Russia, 1996-1997 // Post-Soviet Affairs. 1998. V. 14. № 1.
8. *Sakwa R.* Parties and the Multiparty System in Russia // RFE/RL Research Report. 1993. V. 2. № 31.
9. *Fish S.* The Advent of Multipartism in Russia // Post-Soviet Affairs. 1995. V. 11. № 4.
10. *Urban M., Gel'man V.* The Development of Political Parties in Russia // Democratic Changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus' and Moldova. Cambridge, 1997.
11. *Golosov G.* Who Survives? Party Origins, Organisational Development and Electoral Performance in Post-Communist Russia // Political Studies. 1998. V. 46. № 3.
12. *Петров Н.* Выборы органов представительной власти регионов // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 3, 4.
13. *Slider D.* Elections to Russia's Regional Assemblies // Post-Soviet Affairs. 1996. V. 12. № 3.
14. *Golosov G.* Russian Political Parties and the "Bosses": Evidence from the 1994 Provincial Elections in Western Siberia // Party Politics. 1997. V. 3. № 1.
15. *Matsuzato K.* The Split and Reconfiguration of Ex-Communist Party Factions in the Russian Oblasts: Chelyabinsk, Samara, Ulyanovsk, Tambov and Tver (1991-95) // Demokratizatsiya. 1997. V. 5. № 1.
16. *Гельман В., Голосов Г.* Политические партии в Свердловской области // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 5.
17. Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. М., 1998.
18. Выборы в Российской Федерации, 1991-1998: электронный справочник (Федеральный центр информатизации и MERCATOR Group). М., 1999.
19. Политический мониторинг ИГПИ. 1998. № 3.
20. Выборы законодательных собраний субъектов Российской Федерации (<http://www.glasnet.ru/~panorama/IZBIR>).
21. *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge, 1976.
22. *Jackman R.* Cross-National Statistical Research and the Study of Comparative Politics // American Journal of Political Science. 1985. V. 24. № 1.
23. *Golosov G.* Quasi-Political Organisations in the Process of Post-Communist Transformation // Research Support Scheme Network Chronicle 5. Prague, 1998.
24. *Schmitter P.* Intermediaries in the Consolidation of Neo-Democracies: The Role of Parties, Associations and Movements// ICPS Working Paper. 1997. № 130.
25. *Gel'man V., Golosov G.* Regional Party System Formation in Russia: The Deviant Case of Sverdlovsk Oblast//Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1998. V. 14. № 1/2.
26. *Шугарт М., Кэри Д.* Президентские системы // Современная сравнительная политология. М., 1997.
27. *Bibby J. et al.* Parties in State Politics // Politics in the American States. Glenview (Ill.), 1992.
28. Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации, 1995-1997: электоральная статистика. М., 1997.
29. *Wyman M.* Developments in Russian Voting Behaviour: 1993 and 1995 Compared // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 1996. V. 12. № 3.

30. *Muller W., Steininger B.* Party Organisation and Party Competitiveness: The Case of the Austrian People's Party, 1945-1992 // *European Journal of Political Research*. 1994. V. 26. № 1.
31. *Panbianco A.* Political Parties: Organisation and Power. Cambridge, 1988.
32. *Smith G.* In Search of Small Parties: Problems of Definition, Classification and Significance // *Small Parties in Western Europe: Comparative and National Perspectives / Muller-Rommel F., Pridham G. (eds.)*. London-Newbury Park (Cal), 1991.
33. *Norris P.* Second-Order Elections Revisited // *European Journal of Political Research*. 1997. V. 31. №1/2.
34. *Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. New York, 1994.
35. *Taagepera R., Shugart M.* Seats and Votes: The Effects and Determinants of Electoral Systems. New Haven-London, 1989.
36. *Munck G.* Democratic Stability and Its Limits: An Analysis of Chile's 1993 Elections // *Journal of Inter-American Studies and World Affairs*. 1994. V. 36. № 2.
37. *Reynolds A., Reilly B.* The International IDEA Handbook of Electoral System Design. Stockholm, 1997.
38. *Curtis G.* The Japanese Way of Politics. New York, 1988.
39. *Duverger M.* Political Parties. New York, 1963.
40. *Rae D.* The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1967.
41. *Lijphart A.* Electoral Systems and Party Systems: A Study of Twenty-Seven Democracies, 1945-1990. Oxford, 1994.
42. *Neto O., Cox G.* Electoral Institutions, Cleavage Structures, and the Number of Parties // *American Journal of Political Science*. 1997. V. 41. № 1.
43. *Coppedge M.* District Magnitude, Economic Performance, and Party-System Fragmentation in Five Latin American Countries // *Comparative Political Studies*. 1997. V. 30. № 2.
44. *Shugart M.* The Inverse Relationship Between Party Strength and Executive Strength: A Theory of Politicians' Constitutional Choices // *British Journal of Political Science*. 1998. V. 28. № 1.
45. *Умнова И.* Разделение законодательной и исполнительной власти в субъектах Российской Федерации: правовые аспекты // *Органы государственной власти субъектов Российской Федерации*. М., 1998.
46. *Выборы депутатов Государственной Думы, 1995: электоральная статистика*. М., 1996.
47. *Bollen K., Jackman R.* Regression Diagnostics: An Expository Treatment of Outliers and Influential Cases // *Modern Methods of Data Analysis*. Newbury Park (Cal), 1990.
48. *Гельман В.* Региональные режимы: завершение трансформации? // *Свободная мысль*. 1996. №9.
49. *Шевченко Ю.* Конфликт между ветвями власти и электоральное поведение в России // *Мировая экономика и международные отношения*. 1999. № 1.
50. *Новиков С.* Омская область: выборы-1998 (Черные страницы российской демократии). Омск, 1998.
51. *Голосов Г.* Партийные системы России и стран Восточной Европы: генезис, структуры, эволюция. М., 1999.